

— Вы что задумали!

Ван Сифэн в ужасе отпрянул, не раздумывая, инстинктивно навалился на Линь Чаогэ, закрывая его собой.

Один из здоровяков, от которого разило перегаром, пнул Ван Сифэна ногой и, сплюнув, прорычал:

— Убирайся с дороги.

Ван Сифэн не сдвинулся с места. Весь напряженный, он загораживал собой товарища:

— Попробуйте только тронуть его хоть пальцем, и не видать вам ни гроша.

Здоровяк пришел в ярость. Он надавил на плечо и спину парня, с силой вминая его в пол:

— Ах ты щенок! Думаешь, я не прибью тебя здесь, а потом всё равно не вынесу всё из вашей кладовой?

Ван Сифэн не отступил. Сверкнув глазами, он выкрикнул:

— Попробуйте только причинить вред! Клянусь, вы успеете получить деньги, но не успеете их потратить. Кто из вас посмеет его тронуть, того я в порошок сотру!

Тот, кто еще минуту назад дрожал и лебезил, вдруг преобразился. В его голосе и осанке проступила властность, присущая лишь людям, привыкшим с рождения повелевать и не знающим отказов. От этого властного тона здоровяки на мгновение опешили, невольно отступив на шаг.

Второй бандит расхохотался:

— Эй, четвертый, ты что, жир зря наедал? Стоило парню рявкнуть, как ты обмяк, совсем не по-мужски себя ведешь.

Тот, разъяренный насмешкой, побагровел от стыда и злости. Не сдерживаясь, он сжал кулаки и принялся методично бить Ван Сифэна в самые уязвимые места.

Удары глухо отдавались в теле. Ван Сифэн стиснул зубы, не издав ни звука. Он уже не понимал, сколько времени это длится. С каждым ударом боль пронзала его всё глубже, казалось, она достигла самой души. В этом беспамятстве он осознавал лишь одно: его беспомощность, его неспособность защитить себя без поддержки семьи.

Ему хотелось провалиться в сон, но сознание твердило: нельзя падать. Он должен защитить этого вечно язвительного одноклассника, который выглядит как девица.

Первый бандит, видя, что дело принимает дурной оборот, схватил товарища за руку:

— Хватит, хватит! Не убей его, это же наша золотая жила.

Здоровяк сплюнул, смачно плюнув Ван Сифэну прямо в лицо, и, словно для порядка, напоследок пнул его еще пару раз.

Они вышли. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась, снаружи щелкнул замок.

Линь Чаогэ осторожно оттолкнул Ван Сифэна, сел и сдернул черную повязку с лица. Его персиковые глаза, чуть прищуренные, внимательно смотрели на парня.

Ван Сифэна пробрала дрожь — то ли от ночного горного холода, то ли от этого взгляда.

В горах время течет незаметно. В комнате царил полумрак, лишь во дворе мерцали факелы, отбрасывая на бумажные окна пляшущие тени. Бандиты явно не собирались их кормить и возвращаться до утра.

Ван Сифэн лежал на полу, свернувшись калачиком и обхватив живот. Его бледное лицо периодически подергивалось от боли.

Линь Чаогэ развязала веревки, перевернула его и позволила ему лечь головой к себе на колени:

— Где болит?

Ван Сифэн зашипел, втягивая воздух сквозь зубы:

— Да нигде... просто в живот пару раз прилетело. У меня кожа толстая, почти не больно.

Он попытался улыбнуться, но с его разбитым лицом и опухшими глазами это выглядело жутко. Линь Чаогэ рукавом стерла грязь с его щек. Пальцы коснулись волос — они были влажными от холодного пота.

Она слышала каждый удар. Это были не школьные потасовки, а настоящая жестокость. Если бы так били по дереву, оно бы давно разлетелось в щепки. Как ему может быть не больно? Какой же он дурак.

Этот изнеженный аристократ, который в солнечный день прячется под зонтом, а зимой жалуется на малейший сквозняк, привык к тому, что вокруг него всегда толпа слуг. Как он мог выдержать такое?

Если бы не она... Впрочем, ладно. Будем считать это расплатой за то, что оказалась втянута в

эту неприятную историю.

Линь Чаогэ распахнула его ворот:

— Не терпи. Если больно — кричи. Дай осмотрю раны.

Ван Сифэн затряс головой, пытаясь отползти, и скривился от боли:

— Да не больно мне! Ты же меня не знаешь!

Еще чего! Он не для того сберег свою честь в прошлый раз, чтобы потерять её сейчас, в этой темной лачуге! Учитель говорил: не подобает. Будда говорил: всё в мире — лишь иллюзия.

Линь Чаогэ, не подозревая о его философских размышлениях, потянула за край его белой шелковой рубахи. Стоило ей коснуться ссадины на плече, как Ван Сифэн взвыл, а из глаз его брызнули слезы.

Он тут же отвернулся, приговаривая:

— Я не плачу! Это я... это у меня щекотка такая.

Линь Чаогэ едва слышно хмыкнула, но не стала его разоблачать. Она внимательно осмотрела раны: к счастью, бандиты знали меру и не задели жизненно важных органов, хотя вид у него был плачевный — сплошные синяки и ссадины.

Она аккуратно поправила одежду, стараясь не задевать раны, и опустила взгляд:

— Зачем ты вмешался?

Ван Сифэн лежал на полу, его глаза заплыли так, что превратились в узкие щелочки.

— Мы же однокашники, — пробормотал он. — Как я мог остаться в стороне?

Добавить про то, что она слишком хороша собой, он не решился.

Линь Чаогэ молчала. Свет факела падал на её бледное лицо, ресницы дрожали, словно крылья бабочки. В этом полумраке она казалась почти неземной.

Ван Сифэн отвел глаза. И надо же было этому парню уродиться таким красивым, что даже девицы позавидуют...

В тишине снаружи внезапно раздался скрежет отпираемого замка.

Линь Чаогэ быстро привела Ван Сифэна в порядок, надела повязку и осторожно легла на место.

Дверь скрипнула, приоткрываясь. В сарай проскользнул тощий, сморщенный мужчина. Оглядевшись, он подошел к Ван Сифэну:

— Эй, парень, ты говорил про сундук в заброшенном храме на горе Цзычжу — это правда?

Гора Цзычжу находилась недалеко от Лояна и славилась своими густыми бамбуковыми лесами и старым храмом Цзыцзинь.

Оба поняли: рыба клюнула.

<http://bllate.org/book/22224/2319217>